

Конец Хитрова рынка

«Дядя Гиляй» — так подписывал статьи Владимир Алексеевич Гиляровский, выдающийся русский журналист и писатель. За свою долгую жизнь он много раз бывал на Хитровом рынке, печально знаменитом «дне Москвы», оставив нам, потомкам, его классическое описание, граничащее с исследованием по полноте и с литературой по яркости.

8 декабря исполнилось 125 лет со дня рождения писателя, автора хрестоматийной книги «Москва и москвичи». Ему посвящается этот репортаж.

УЛИЦУ Горького, главную в городе, знает каждый, а вот переулочек и площадь Горького надо поискать вдали от нее, между Соляной и Яузским бульваром. Когда Подколокольным переулком попадаешь на эту площадь, застроенную вокруг старинными домами, то оказываешься как раз там, где был Хитров рынок, куда так стремился «дядя Гиляй».

Владимир Гиляровский появлялся здесь обычно в одиночку, захватив кастет, но прибегал к нему в исключительных случаях. Все знали, что никому вреда от него не будет. Он ходил сюда, чтобы изучать народную жизнь на самом ее дне, куда она выбрасывала из всех слоев общества многочисленные жертвы.

Хитров рынок от всех других отличался тем, что на нем не только торговали, но и нанимались к хозяевам безработные, здесь же жили тысячи московских нищих, бездомных, рецидивистов, людей, которых засосала тряси́на беспутой жизни.

После посещения Хитрова рынка на страницах московских газет появлялись очерки Гиляровского — «Каторга», «Рвань», «Дом Ромейко», «Час на дне», «Беспризорные»... Последний раз писатель побывал здесь в 1923 году, когда площадь оцепила московская милиция, покончившая окончательно с этим наслідием прошлого.

Сорок лет Гиляровский был свидетелем истории площади. Вначале она казалась ему туманным местом, самым туманным в Москве. «Дядя Гиляй» многое сделал, чтобы этот туман рассеялся, приложил много сил, чтобы вскрыть эту незаживающую язву общества, излечить которую были бессильны «отцы города». Окончательный приговор Хитрову рынку подписал Московский Совет. Тогда королю русского репортажа уже исполнилось семьдесят лет, но он поспешил сюда, как в молодости, в последний раз.

«Двух- и трехэтажные дома вокруг площади все полны такими ночлежками, в которых ночевало и ютилось по десять тысяч человек. Эти дома приносили огромный барыш домовладельцам», — так описывает Гиляровский Хитровку в книге «Москва и москвичи». Давно уже центр площади занимает большое школьное здание, где теперь электромеханический техникум. Школу возвели здесь как символ победы света над мраком.

Вокруг многоугольной площади, куда с четырех сторон впадают малые переулочки, стоят двух- и трехэтажные дома бывших ночлежек. Есть и четырехэтажный жилой дом, формой напоминающий уют. Построен он в двадцатые годы на месте скрытого до основания «Утюга». Так звали разбойной логови, располагавшееся как раз здесь, между Астаховым и Петропавловским переулками. Владели «Утюгом» некто Кулаков, сказочный разбогатевший делец, наживший грязные миллионы на сдаче ночлежек. В подвалы его домов многие годы не рисковали опускаться даже наряды полиции. «Утюг» после революции разобрали на дрова, в его развалинах, в подвалах жил оголтелый люд до тех пор, пока это гнездо не разворошила окончательно московская милиция. Как свидетельствует Гиляровский: «Главную трущобу «Кулакову» с ее подземными притонами в «Сухом овраге» по Свинынскому (Астахову) переулку и огромным «Утюгом» срыли до основания и заново застроили». Остальные здания остались.

«Все те же дома, — описывал их Гиляровский, — но чистые... Вот рядом огромные дома Румянцова, в которых два трактира «Пересильный» и «Сибирь», а далее в доме Степанова трактир «Каторга»... И в «Каторге» нет теперь двери, из которой валит, когда она открывалась, пар и слышались дикие песни, звон посуды и вопли поножовщины. Ря-

дом с ним дом Бунина — тоже сверкает окнами»...

Сверкающие окна, конечно, больше всего поразили старого репортера, видевшего их совсем другими. И поныне сохранились эти дома: старинной отличной кладки, с метровыми стенами, вечные.

ГДЕ, в каком из них была «Каторга»? Куда Гиляровский приводил Глеба Успенского? Где надворный флигель, куда заходили актеры Художественного театра во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко перед тем, как поставить знаменитую горьковскую пьесу «На дне»?

Встретил я у этих домов старожилых, обитающих здесь по сорок и даже по пятьдесят лет, но никто Хитрова рынка не застал, никто показать мне, что где было, не смог.

Обратился, как бывало, в архитектурно-реставрационную мастерскую «Моспроект», к знатоку Москвы, искусствоведу Марии Домшлак, но она смогла только посоветовать поискать в ГИИТА — городском историческом научно-техническом архиве.

И вот передо мной планы Москвы 1851 и 1901 годов. С «Плана Мясницкой части города Москвы с указанием номеров владений» переносу в блокнот очертания Хитровской площади и номера окружающих ее владений — 383, 385, 344...

Что они обозначают?

Дома, раскрыв фоллиант адресной и справочной книги «Вся Москва» за 1917 год, смотрю доскональное описание Подколокольного переулочка, где значатся и номера домов, и номера владений, а также бывшие владельцы. Вычисляю, что под № 383 находился бывший дом Румянцова, под № 385 — владение, где располагался «Утюг», под № 344 не что иное, как злополучная «Каторга».

Расшифровав код плана, прихожу вновь на площадь Горького, становлюсь у дома № 1-а, на углу, примерно на то же место, откуда смотрел в последний раз на Хитров рынок Владимир Алексеевич Гиляровский...

СТОЯ на площади, видишь в глубине двора дома № 16 по Подколокольному темно-зеленый фасад, старинный особняк, принадлежавший некогда московскому дворянину Хитро-

во, бывшему хозяину этой земли. Рынок получил свое название от него, а не потому, что на нем, как водится, хитрили. В этом особняке теперь медицинское училище.

На углу Петропавловского переулка высится действительно большой дом. Угловая дверь ведет в бар. А вела она прежде в трактир. Были в этом доме два трактира, один под негласным названием «Пересильный», другой — «Сибирь». В первом собирались бездомные, нищие и барышники, а во втором, как пишет «дядя Гиляй», — публика «степенью выше», воры и скупщики краденого.

Ну, а самый знатный очаг разудалых и матерых каторжников находился в другом доме — № 9 по Подколокольному переулку.

«Бог приведи увидиться в «Каторге» — так прощались арестанты в пересильной тюрьме. Сюда они стремились, очутившись на кратковременной свободе. Трактир находился «в низке», подвале. В него привел «король репортеров» своего друга, Глеба Успенского: тот просил его показать московское дно, людей, перешедших «рубикон жизни».

Актеров Художественного театра Гиляровский провел через ворота этого дома во двор, во флигель.

Художник театра Симов делал здесь зарисовки, Станиславский и Немирович-Данченко, актеры увлеченно беседовали с прототипами своих героев. А Гиляровский зорко следил за... безопасностью артистов. И не зря. Только благодаря своей феноменальной силе и находчивости, добрым отношениям с ночлежниками ему удалось спасти друзей от нагрянувших в ночлежку разбойников. О подробностях этого легендарного посещения Станиславский не преминул рассказать в своей книге «Моя жизнь в искусстве».

Какой была эта ночлежка, можно увидеть теперь во МХАТе, на представлении горьковской пьесы «На дне». Ну, а кто хочет узнать о Хитровом рынке, о его конце, почитайте «Москва и москвичи», а потом приходите сюда, на площадь,носящую имя автора «На дне». Приходите увидеть дома, увековеченные «дядей Гиляем».

Лев КОЛОДНЫЙ.

140 ДЕК 1978

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
г. МОСКВА